

КЕРАМИКА ПЕРЕГРЕБНИНСКОГО ТИПА С ПОСЕЛЕНИЯ НИЗЯМЫ 9

Впервые памятники с керамикой перегребнинского типа были выделены по материалам поселений Нижнего Приобья¹. Название дано по ярким керамическим комплексам поселения Перегребное 4 и городища Перегребное VI, исследованным В. М. Морозовым. Этот тип керамики присутствует и на городище Усть-Полуй, составляя небольшую часть второй группы сосудов (по В. И. Мошинской, с гребенчатым орнаментом). Выделение керамических комплексов, в первую очередь, по элементам и технике нанесения декора, привело В. И. Мошинскую к объединению разных по форме и времени бытования сосудов в одну группу². Перегребнинский тип керамики характеризуется значительным числом емкостей с венчиками, оформленными в виде «карнизиков», напоминающих «воротнички» на шейках ананьинских горшков, с обедненной, преимущественно гребенчато-ямочной, а также шнуровой орнаментацией, наличием сосудов на поддонах. Переоценив (по данным публикаций) количество такой посуды на Усть-Полуе и недооценив численность кулайских сосудов с гребенчатой орнаментацией на этом памятнике, авторы первоначально предлагали называть данный тип «собственно усть-полуйским» или же переименовать вторую группу усть-полуйской керамики (по В. И. Мошинской) в перегребнинский тип³. После знакомства с материалами городища из новых раскопок Н. В. Федоровой* стало ясно, что в оценке усть-полуйской коллекции нами была допущена ошибка. Кулайские (в нижнеобском, или усть-полуйском, варианте) сосуды, значительная часть которых орнаментирована гребенчатым штампом, в ней преобладали. В то же время существование чистых комплексов с вышеописанной керамикой, выявленных, в том числе, на поселении Низямы 9, доказывает правомерность выделения этого типа.

Памятники в окрестностях бывшей деревни Низямы на правом берегу Оби (Октябрьский р-н ХМАО – Югры), в устье одноименной речки (в ином варианте Нисан-Иоган), стали известны благодаря исследованиям В. Н. Чернецова⁴. В середине 1980-х годов здесь кратковременно побывала одна из разведочных групп Северотаежного отряда Томского государственного университета⁵. С 1982 по 1987 год в связи со строительством магистральных газопроводов в районе деревни Низямы работал Северный отряд Уральской археологической экспедиции (руководитель В. М. Морозов). В ходе его работы в левобережной части устья реки Низямы и правобережья Оби в пределах населенного пункта было найдено не менее 13 объектов археологии (рис. 1; 2). Некоторые из них частично изучены стационарными раскопками⁶. Но публикаций результатов исследований памятников, за исключением общих статей, нет⁷. Отчасти исправить это положение и призвана настоящая работа.

Большинство памятников около деревни Низямы приурочены к гривам, вытянутым перпендикулярно береговой линии и обрыву террасы (рис. 3). На одной из них (площадью 1125 кв. м), плавно понижающейся к берегу и ограниченной с севера и юга оплывшими логами, и находится публикуемый памятник. Он расположен между городищем Низямы II и поселением Низямы 3, в 30–40 м к востоку от последнего. Раскоп размерами 10 × 6 м, разбитый на участки 2 × 2 м, был заложен в 25 м от южного края гривы (рис. 4). Полевую документацию на поселении Низямы 9 вел В. Н. Широков.

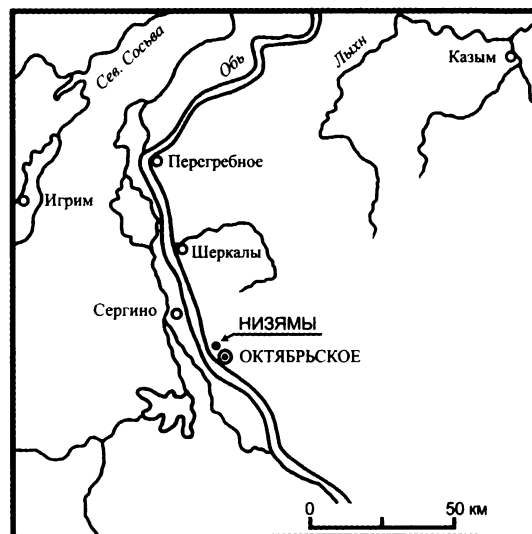

Рис. 1. Район расположения Низямского археологического куста

* Мы благодарны Н. В. Федоровой за возможность познакомиться с неопубликованными материалами из ее раскопок 1993–1995 годов.

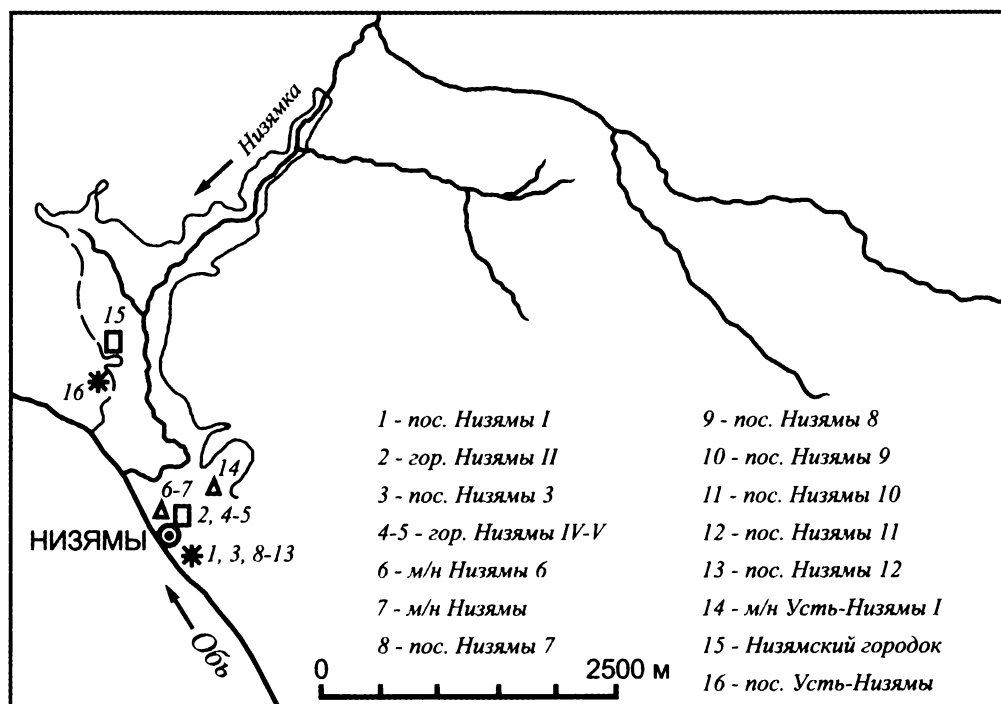

Рис. 2. Схема расположения археологических памятников у д. Низямы

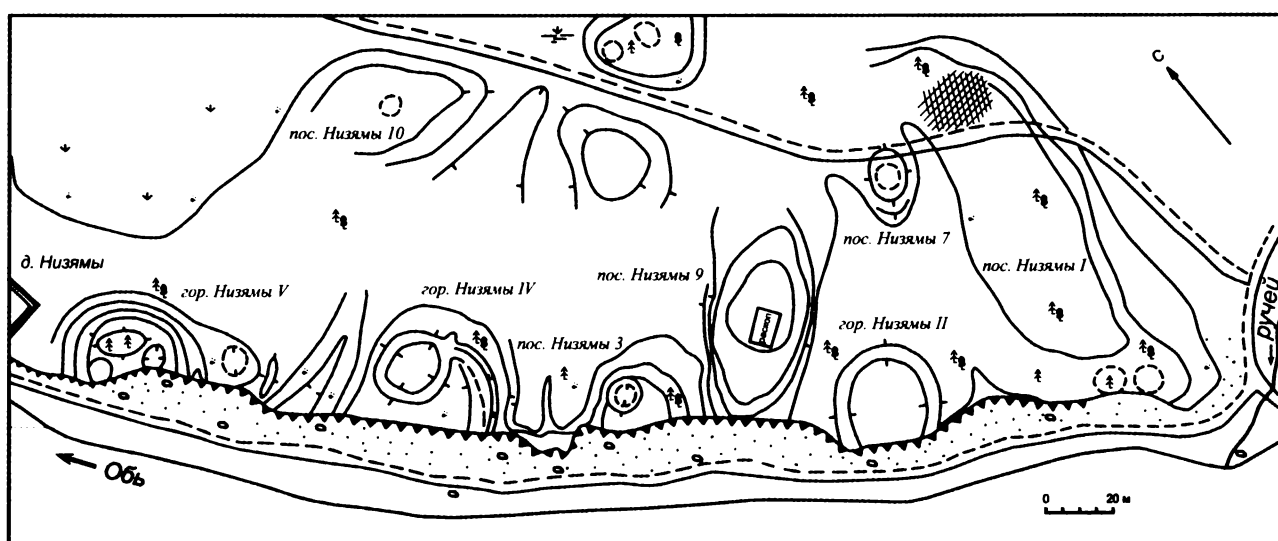

Рис. 3. План-схема памятников археологии у д. Низямы. 1, 3, 7-10 – поселения; II, IV, V – городища

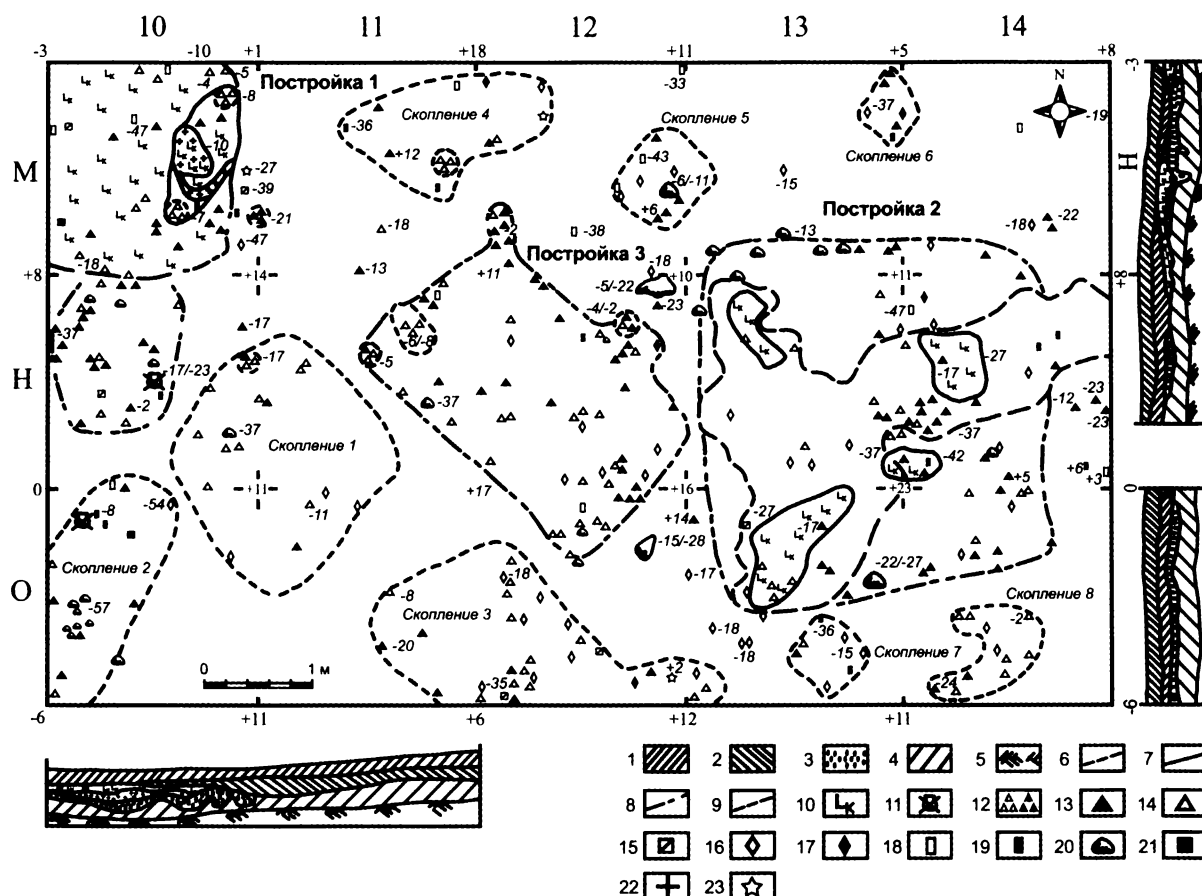

Рис. 4. Поселение Низымы 9. План раскопа.

- 1 – дерн; 2 – бурая с оттенками желтого, темно-серого и черного супесь; 3 – серый с желто-серыми и серо-желтыми линзами песок; 4 – желто-серый песок; 5 – материк (желтый песок); 6 – светло-бурый песок; 7 – бурый очажный слой с углями и кальцинированными костями; 8 – границы построек; 9 – границы скоплений керамики и камня; 10 – мелкие кальцинированные косточки; 11 – развалы сосудов; 12 – скопления керамики; 13 – орнаментированная керамика; 14 – керамика без орнамента; 15 – орудия из камня; 16 – отщепы; 17 – орудия на отщепах; 18 – пластины; 19 – орудия на пластинах; 20 – отдельные камни

Стратиграфия памятника: дерн толщиной от 5–8 до 14–20 см перекрывал «рваный» в очертаниях слой бурого (с оттенками желтого, темно-серого и черного) песка мощностью от 3–5 до 22–26 см. Ниже залегал собственно культурный слой, сложенный в основе серым (с серо-желтыми, желто-серыми линзами) песком толщиной от 2–3 до 8–12 см. Под ним находился слой темного желто-серого песка мощностью около 14–28 см; культурных остатков он практически не содержал, хотя отдельные находки в нем встречались. Материк — желтый песок различных оттенков.

В пределах раскопа вскрыты остатки хорошо фиксируемых в плане кострищ, отдельные скопления материала (керамики и каменных предметов) и связанные с ними неявно выраженные в плане и в профиле пятна — возможные следы оснований легких наземных построек. Такое сооружение было расчищено в северо-западном углу раскопа (участок М/10). Вскрытая часть имела подчетырехугольную форму размерами 2,0 × 1,8 м и была связана с одним из кострищ неправильно-овальной формы размерами 1,1 × 0,6 м. Все пространство пятна было усеяно кальцинированными косточками, происходившими, вероятно, из этого кострища. Его заполнение — буровато-коричневая супесь с многочисленными включениями мелких кальцинированных костей и угольков. Судя по стратиграфии, кострище залегало выше уровня

древней погребенной поверхности, мощность его составляла 8–15 см. С южной стороны пятна расчищено несколько камней средних размеров и развалы сосудов раннего железного века. Кроме того, скопления керамики и отдельные кварцевые сколы найдены в самом кострище и возле него. По находкам в слое этот объект можно датировать ранним железным веком.

Остатки второго объекта зафиксированы вдоль восточной стенки раскопа (участки М–О/13–14). В плане они выглядели подпрямоугольным пятном светло-серого цвета с размытыми очертаниями размерами 3,4 × 3,2 м. В его границах прослежена более углубленная (вытопанная?) часть в виде вытянутой с востока-северо-востока на запад-юго-запад светло-бурой с угольками песчаной полосы шириной до 0,9–1,1 м, резко расширявшейся в западной части пятна. В пределах полосы расчищены одно крупное (уч. О/13) и три небольших неупорядоченно расположенных кострища. Все три — аморфные (ближе к овальной форме), размерами от 0,6 × 0,3 до 0,8 × 0,5 м; заполнение их — буровато-коричневатая супесь мощностью до 26–30 см, насыщенная мелкими кальцинированными косточками и угольками. В этой части раскопа была сосредоточена подавляющая часть находок. Судя по глубине залегания, с этим объектом можно связать керамику позднего бронзового века и, возможно, подавляющее большинство кварцевых сколов.

Помимо пятен (следов оснований наземных построек) подтверждением для выделения сооружений на площадке могут быть скопления материала, в данном случае керамики и каменных предметов. Одно из них, самое выразительное и большое, расположено в центре раскопа, между двумя вышеописанными постройками, на участках Н/11–12. Оно имело форму вытянутой по линии северо-запад – юго-восток подчетырехугольной фигуры размерами 2,9 × 1,7 м. В пределах предполагаемых очертаний помимо керамики (в том числе трех небольших скоплений) встречены отщепы, пластины, орудия на них, отдельные камни и орудия из камня.

Кроме «центрального» скопления, возможно, связанного с небольшой постройкой(?) 3, несколько концентраций находок отмечено по периметру раскопа (участки М/13, М/12–13, Н/10, Н/14, О/10–12). Каким-то из них, например, в участках Н/14, О/10, О/11–12, О/13, О/14, соответствуют желто-серые прослойки — остатки культурного слоя, которые можно «отследить» в профилях раскопа. Состав находок в этих скоплениях — отщепы, изделия из камня и преимущественно керамика.

Таким образом, при раскопках поселения Низямы 9 были выявлены два основных культурных слоя. Первый сформировался в бронзовом веке и представлен керамикой периодов энеолита и ранней бронзы, а также лозьвинской культуры позднего бронзового века. К нему же относится большая часть каменного инвентаря. С данным слоем предположительно связаны остатки наземной постройки 2. Материалы этого времени в статье не рассматриваются. Второй слой возник в раннем железном веке, с ним соотносятся остатки постройки 1 и сосуды перегребнинского типа.

Предварительно выделено около 40 сосудов, представленных обломками верхних частей (рис. 5–8). Единичны небольшие чашевидные емкости с вертикальными стенками (рис. 7–1; 8–1, 9). Преобладают же горшковидные и котловидные (рис. 7–2, 4; 8–2, 2а) сосуды с округлым или приостренным дном, а также на поддонах (рис. 8–10–12). По оформлению шейки выделяются две группы: с карнизиком с внешней стороны и без него. Горшки с широким карнизиком под венчиком составляют примерно половину емкостей (рис. 5; 6). Эти карнизники являются одним из маркирующих признаков керамики перегребнинского типа. Шейка, как правило, короткая, слабопрофилированная (отогнутая наружу), реже вертикальная. Венчики у горшков с карнизниками часто приостренные, у других — плоские, редко округлые. Диаметр по венчику удалось замерить у 19 сосудов. У небольшой чаши он равен 10 см, у горшков в среднем 28 см (от 24 до 36 см). Диаметр по тулову обычно больше диаметра по венчику, но у шестой части емкостей он оказался равен ему или даже чуть меньше (рис. 5–7; 6–9, 10; 7–4, 6). Внешняя и внутренняя поверхность заглаживалась, но местами на ней сохранились тонкие штрихи и следы от шпателя или щепы. Примерно на трети сосудов эти следы явные, хорошо выраженные. Также на трети емкостей с внешней стороны присутствует нагар. Пригар с внутренней стороны отмечен на 75% горшков. Причем иногда пригар занимал большую площадь и достигал значительной толщины. В качестве примесей к глиняному тесту использовался мелкий и крупный песок или дресва, в нескольких случаях визуально фиксируются мелкие частицы слюды, входившей в состав песка.

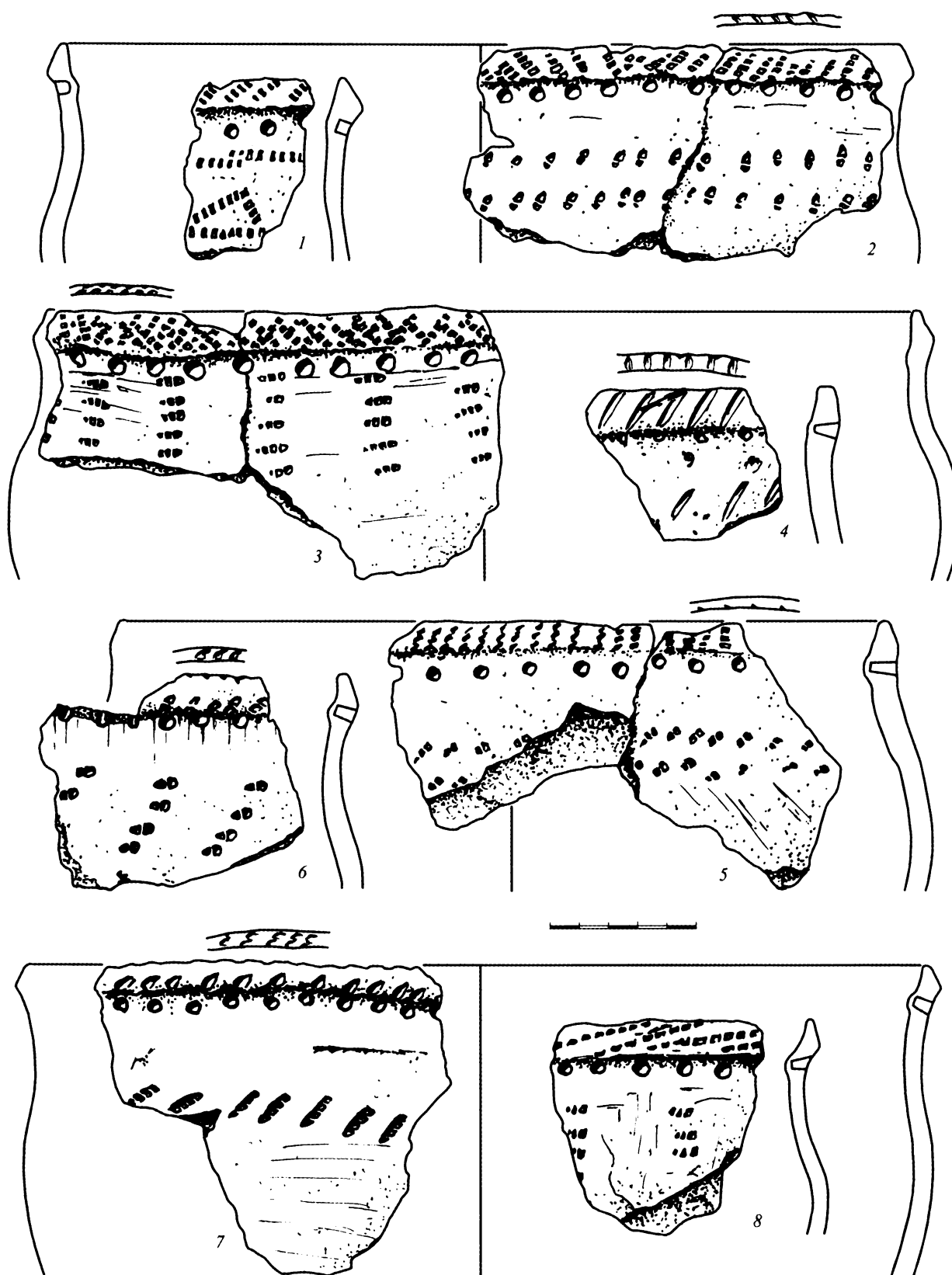

Рис. 5. Поселение Низямы 9. Керамика

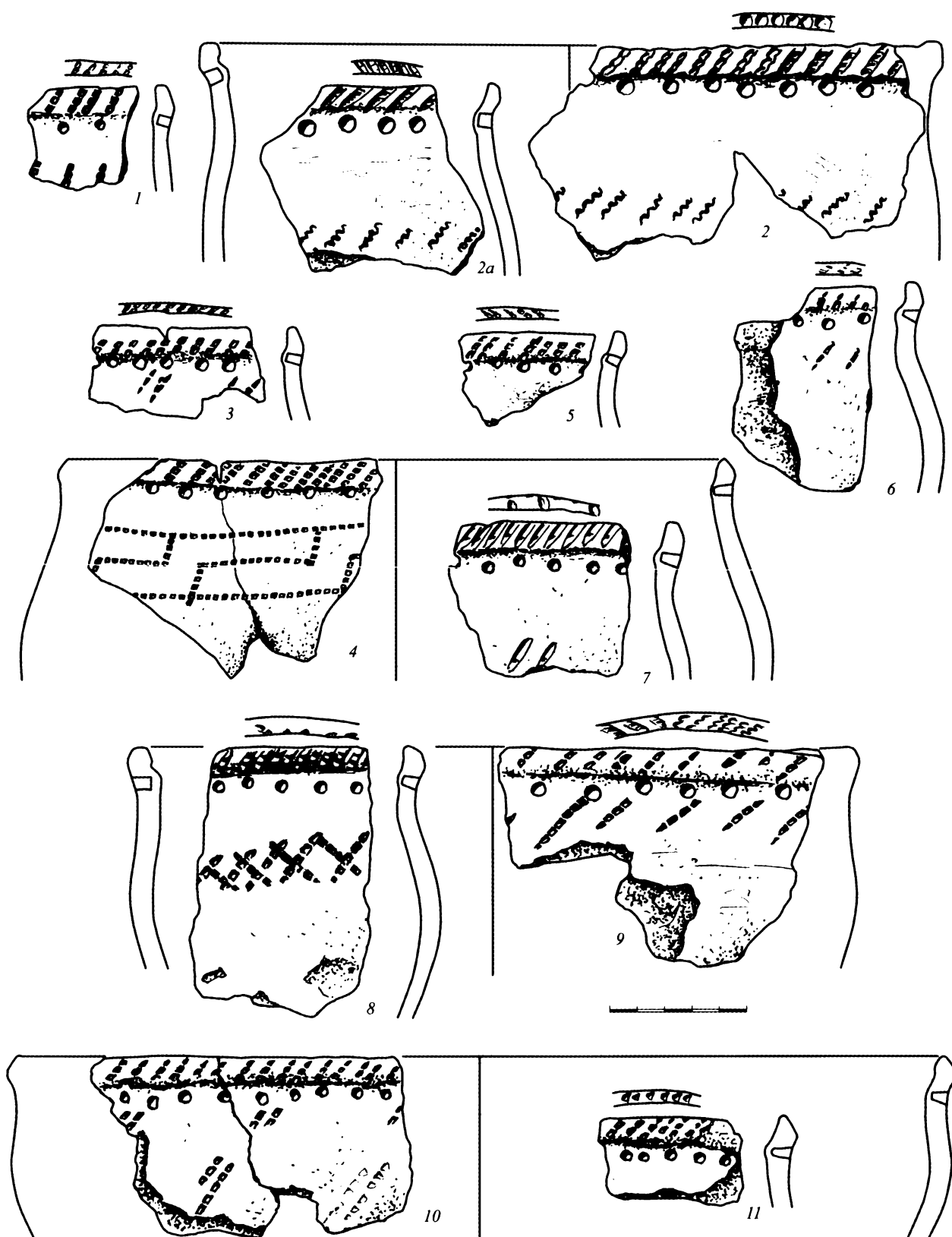

Рис. 6. Поселение Низямы 9. Керамика

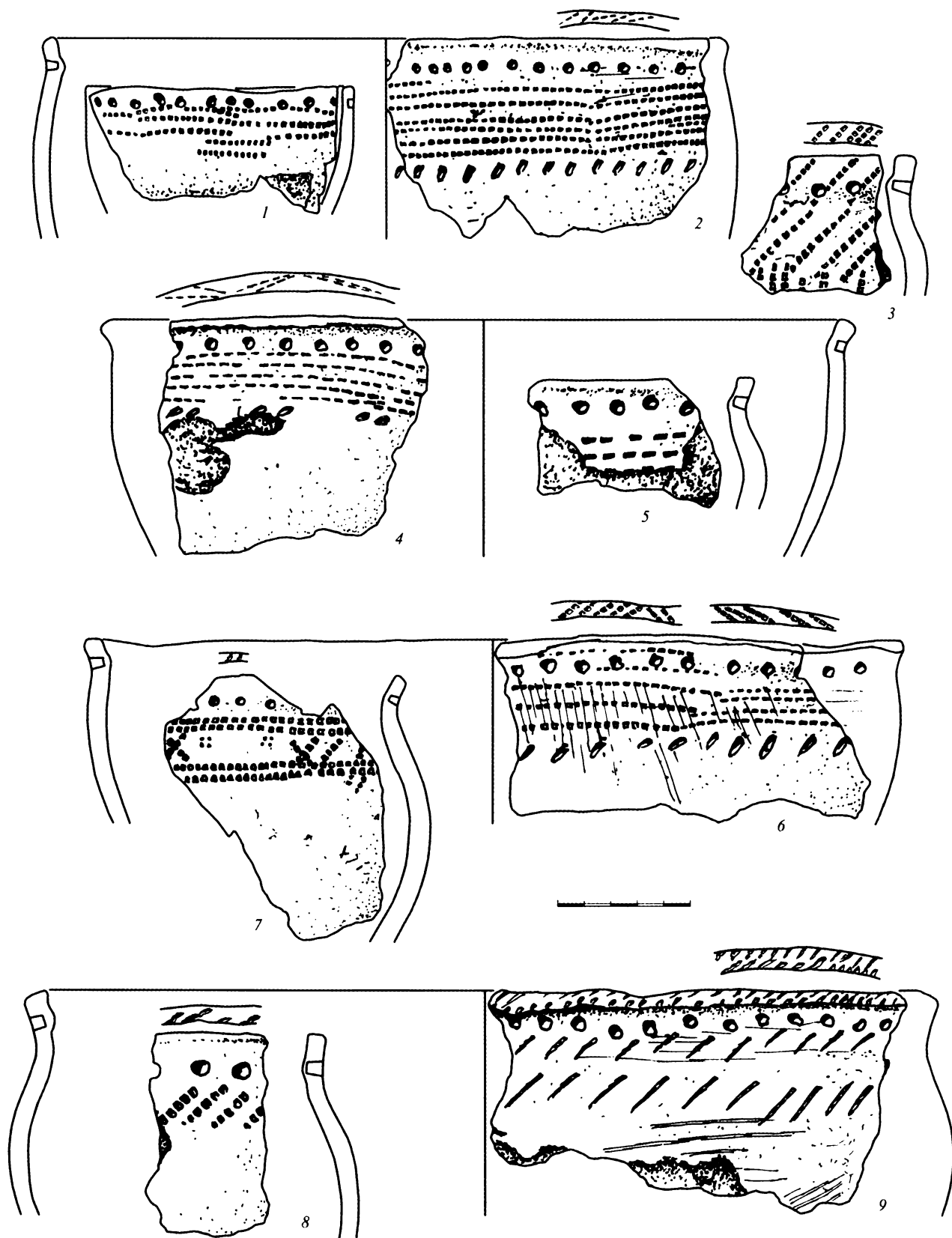

Рис. 7. Поселение Низямы 9. Керамика

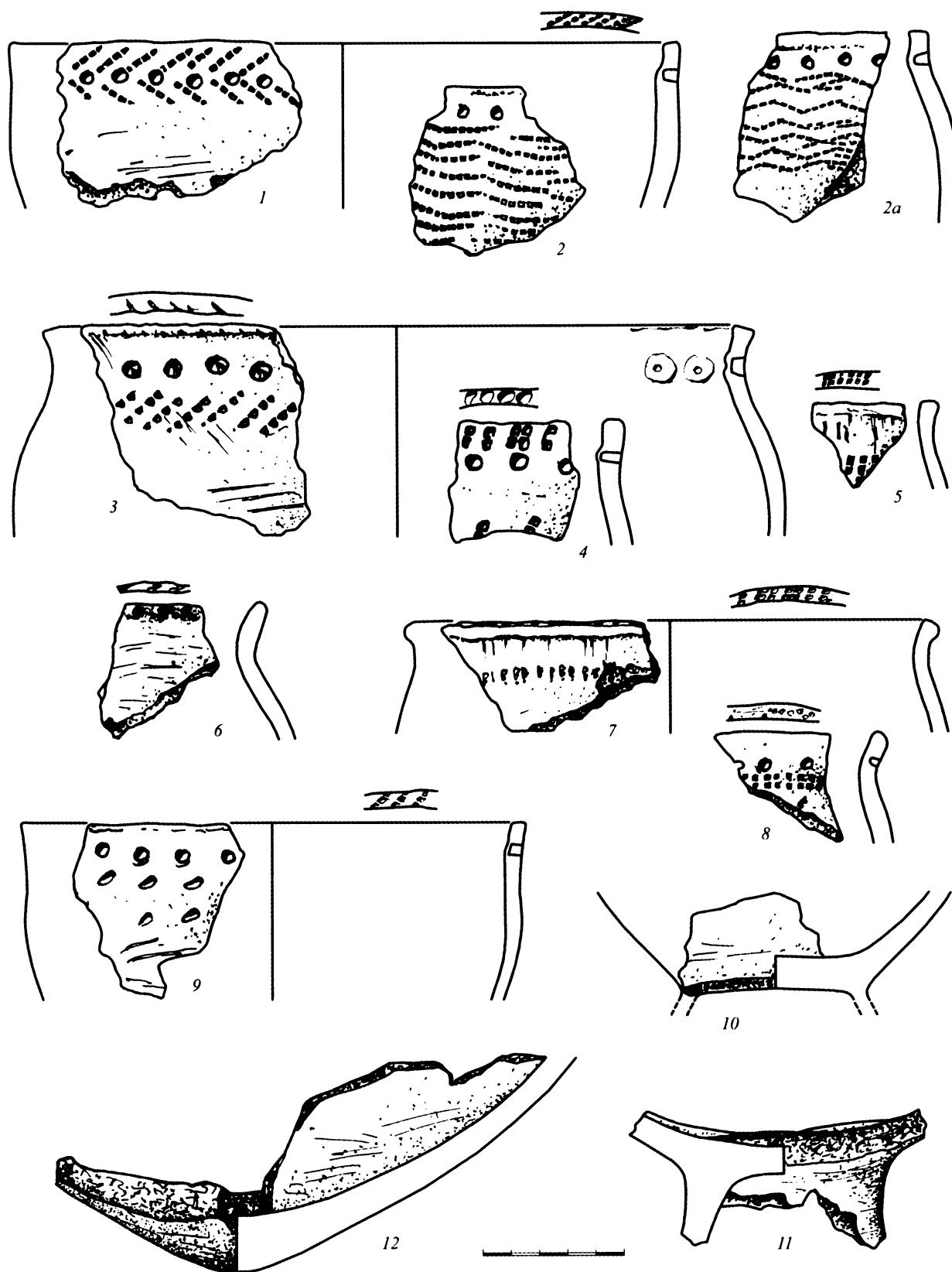

Рис. 8. Поселение Низямы 9. Керамика

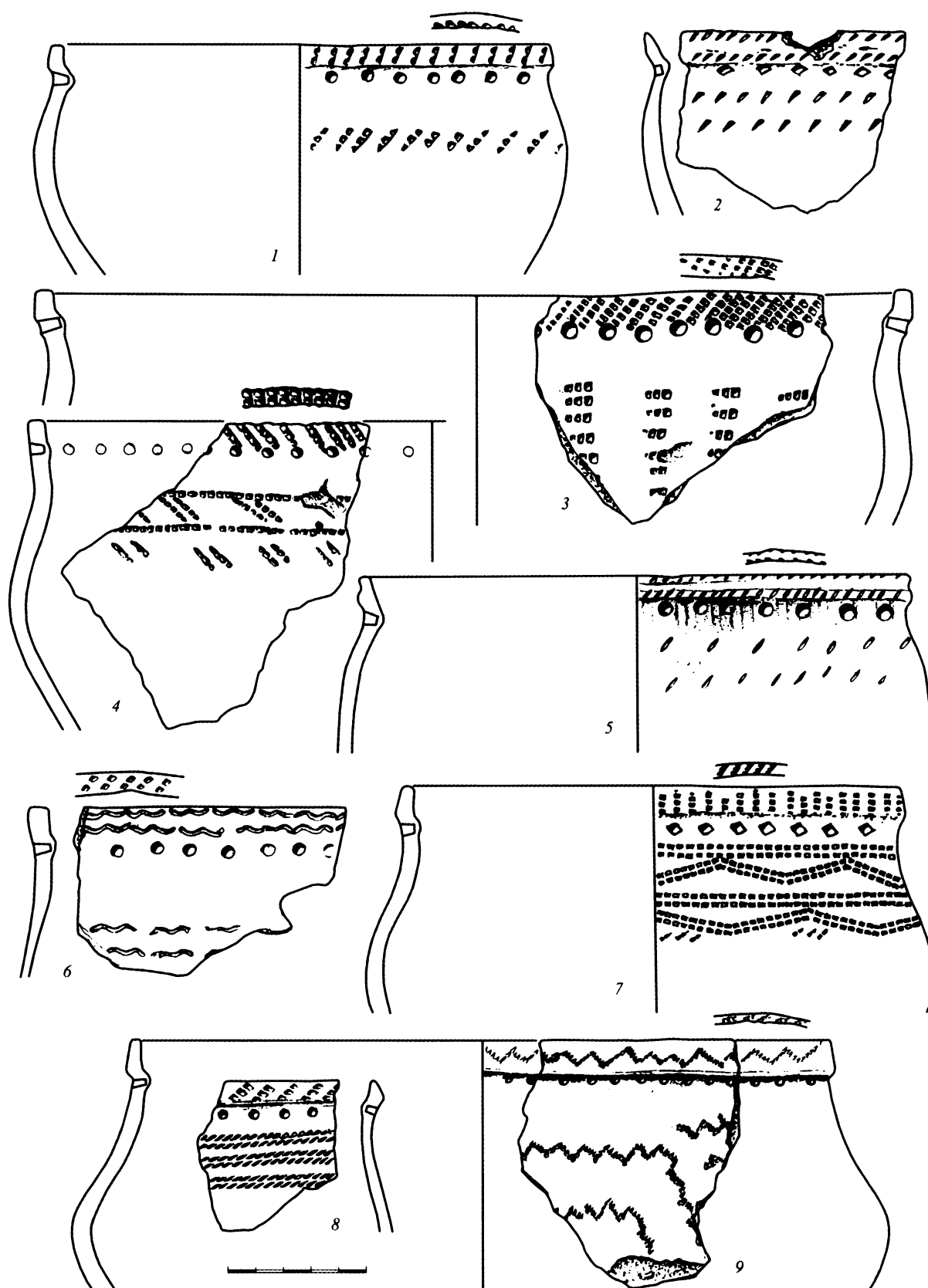

Рис. 9. Городище Перегребное VI. Керамика

Практически все сосуды декорированы. Украшены шейка и плечико, изредка орнамент спускается на верхнюю часть тулова. Редки горшки и котловидные емкости с неорнаментированной шейкой (рис. 7 – 4–5, 8; 8 – 2–2а), без орнамента — единичны (рис. 8 – 6). Чуть ниже венчика или на переходе от шейки к плечу находится так называемый разделительный пояс из круглых несквозных ямок. Следует отметить абсолютное преобладание гребенчатого штампа в качестве орнамента. Поставленный косо, он напоминает мелкоструйчатый штамп и иногда почти не отличим от него. Два сосуда декорированы гладким штампом или насечками (рис. 5 – 4; 8 – 9). Среди узоров преобладают горизонтальные линии, часто со своеобразной «бахромой» из коротких наклонных оттисков штампа (рис. 7 – 1, 2, 4–6), и ряды косо поставленного штампа (рис. 5 – 2, 4, 5, 7; 6 – 1–3, 5, 6, 8–9; 7 – 8, 9; 8 – 3). Встречаются вертикальные или наклонные колонки горизонтальных оттисков штампа (рис. 5 – 3, 6, 8). Единичны разреженные ряды из сдвоенных наклонных оттисков, иногда заключенных между горизонтальными линиями (рис. 6 – 7, 10; 7 – 7), зигзаги (рис. 5 – 1; 8 – 2, 2а), ромбическая сетка (рис. 8 – 2а) и меандры (рис. 6 – 4). Карнизик, как правило, украшен наклонными вправо оттисками штампа; единичны вертикальные оттиски (рис. 5 – 5) и косая сетка (рис. 5 – 3). Венчик также орнаментирован наклонными оттисками, иногда меняющими направление (рис. 6 – 9; 7 – 6), зигзагом (рис. 7 – 4), насечками по одному или обоим краям (рис. 5 – 3; 6 – 8; 7 – 8, 9; 8 – 3). Можно отметить, что в данной коллекции вертикальные и наклонные колонки из горизонтальных оттисков штампа не встречены на сосудах без карнизиков, и наоборот, зоны параллельных горизонтальных линий, нанесенных гребенчатым штампом, присутствуют только на них. В остальном же орнаментация этих двух групп посуды схожа. Заметна также некоторая небрежность как в изготовлении сосудов, так и в нанесении орнамента. Среди сосудов перегребнинского типа есть небрежно вылепленные экземпляры, сечения которых в разных местах дают разную профилировку, а также орнаментация которых на протяжении одной зоны меняется. Поэтому в ряде случаев затруднительно определить, к одному или разным сосудам относятся некоторые фрагменты (ср.: рис. 6 – 2–2а; 7 – 6; 7 – 8 и 8 – 3; 8 – 2–2а).

Сравнивая керамическую коллекцию поселения Низямы 9 с аналогичными материалами городища Перегребное VI, следует отметить, с одной стороны, значительное их сходство, с другой — большее разнообразие орнаментов на последнем (рис. 9). Там значительно шире использовался гладкий штамп или насечки, встречается шнуровая техника (рис. 9 – 8). Есть орнаментированные поддоны. На нескольких сосудах разделительный пояс выполнен треугольными или ромбическими ямками (рис. 9 – 2, 7), что сближает их с кульминскими сосудами начала раннего железного века. Кроме того, на Перегребном VI встречены сосуды собственно кульминского, а также синдейского типов (рис. 9 – 6).

Горшки с широким карнизиком под венчиком, как уже отмечалось, определяют перегребнинский культурный тип. Другим его признаком является значительное преобладание гребенчатого штампа в орнаментации керамики. Что касается второй группы посуды (котловидных и горшковидных емкостей без карнизиков), то близкая или аналогичная керамика известна среди белоярских, кулайских, синдейских сосудов и емкостей иных культурных типов как раннего железного века, так и раннего средневековья. Шнуровой орнамент в таежной зоне в раннем железном веке, кроме Приуралья, в небольшом количестве встречается на кулайской, в том числе усть-полуйской, и синдейской посуде. В лесостепи исследователями выделен прыговский (гребенчато-шнуровой) керамический комплекс. Проблема происхождения шнуровой орнаментации на зауральской керамике тезисно рассмотрена в работе А. А. Ковригина и С. В. Шараповой⁸.

Вопросы о происхождении и исторических судьбах населения, оставившего памятники перегребнинского типа, пока не имеют однозначных решений, что во многом связано со слабой изученностью региона. Разнородность керамической коллекции городища Перегребное VI, наличие на нем как «чистых» типов, так и переходных форм позволили в свое время высказать предположение, что перегребнинский тип сформировался на кульминской основе или что нижеобское кульмино явилось одним из его компонентов⁹. Параллельные ряды оттисков «шнура», широкие карнизики под венчиком ассоциируются с ананьинской керамикой Приуралья. Однако точнее пока ничего сказать нельзя. Неясно соотношение этого типа с синдейскими и кулайскими (усть-полуйскими) древностями. Проблема состоит и в том, что выделенные В. Д. Викторовой еще в середине 1960-х годов на материалах памятников бассейна реки Тавды древности кульминского и синдейского типов до сих пор не получили четкой характеристики в литературе¹⁰. Нет публикаций опорных памятников, дающих представление не только о керамических комплексах,

но и о других категориях материальной культуры, включая типы поселений и построек. Это касается и нижнеобских памятников, и в первую очередь — материалов городища Перегребное VI. Не исключено, что с увеличением источниковой базы выявятся различия между нижнеобскими, кондинскими и северо-зауральскими памятниками, относимыми сегодня к одним типам (например, к кульминским или синдейским). Именно поэтому, говоря о происхождении перегребнинских древностей, мы упоминаем *нижнеобской вариант* кульминского типа памятников¹¹.

Возможно, население, оставившее перегребнинские памятники, приняло участие в формировании кулайской культурно-исторической общности. В пользу этого говорят находки фрагментов перегребнинских сосудов на усть-полуйских памятниках. Узоры на керамике, орнаментированной параллельными рядами шнуровых оттисков (рис. 9 – 8), несколько напоминают, кроме приуральской, орнаментацию сосудов раннего средневековья (прыговского, батырского, петрогромского, молчановского и других типов).

Однако между временем их бытования и существованием перегребнинских памятников есть значительный хронологический разрыв. Большие отличия наблюдаются и в форме сосудов этих типов. Датировка древностей перегребнинского типа построена на сравнительно-типологическом анализе керамики и на фактах находок перегребнинских сосудов на инокультурных (при этом, как нам кажется, однослойных) памятниках; других источников для этого пока нет. Предварительно они отнесены ко второй половине белоярско-васюганского этапа раннего железного века таежного Приобья, что соответствует поздней стадии белоярской культуры, а также калинкинской и отчасти богочановской культурам (середина – третья четверть I тыс. до н. э.)¹². Не исключено, что представление о времени существования перегребнинского типа может измениться в сторону омоложения, то есть синхронности, по крайней мере, его поздних памятников с ранней стадией кулайского этапа.

---

¹¹ Морозов В. М., Чемякин Ю. П. Культуры Нижнего Приобья эпохи железа и их связи с Европейским Северо-Востоком // Проблемы историко-культурной среды Арктики: Тез. докл. междунар. симпозиума. – Сыктывкар, 1991. – С. 100–102; Чемякин Ю. П. Еще раз об усть-полуйской культуре // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. – Томск, 1995. – С. 201–203; Морозов В. М. Новое в изучении усть-полуйской культуры // XIII Уральское археологическое совещание: Тез. докл. – Уфа, 1996. – Ч. 2. – С. 40–41; Он же. Нижнее Приобье в эпоху железа (о перегребнинском типе памятников) // Северный археологический конгресс: Тез. докл. – Екатеринбург–Ханты-Мансийск, 2002. – С. 63–64.

¹² Мошинская В. И. Керамика усть-полуйской культуры // МИА. – М., 1953. – № 35. – С. 107–120; Она же. Археологические памятники Севера Западной Сибири // САИ. – М., 1965. – Вып. ДЗ–8. – С. 24.

¹³ Морозов В. М., Чемякин Ю. П. Культуры Нижнего Приобья... – С. 101; Чемякин Ю. П. Каменный и бронзовый век Сургутского Приобья (культурно-хронологическая периодизация археологических памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 1994. – С. 18; Он же. Еще раз об усть-полуйской культуре. – С. 203; Морозов В. М. Новое в изучении усть-полуйской культуры; Он же. Нижнее Приобье в эпоху железа...

¹⁴ Талицкая И. А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. – М., 1953. – № 35. – С. 248. № 23–26.

¹⁵ Приль Л. Н. Отчет о полевых исследованиях разведочной группы Северотаежного отряда археологической экспедиции ТГУ летом 1980 г. // Архив ИА РАН. – Р–1. № 8804.

¹⁶ Морозов В. М. Отчет о работах Северного отряда УАЭ в Нижнем Приобье (Октябрьский р-н Тюменской обл.), 1982 г. // Архив ИА РАН. – Р–1. № 9077. Т. 1; № 9078. Т. 2; АКА УрГУ. – Ф. II. Д. 371; Он же. Работы в Октябрьском районе Тюменской области, 1983 // АКА УрГУ. – Ф. II. Д. 389; Он же. Отчет об исследованиях Низямского археологического куста летом 1984 г. // Архив ИА РАН. – Р–1. № 10626; Он же. Исследование в районе д. Низямы в Октябрьском р-не и в верховьях р. Эсс в Советском р-не Тюменской обл., 1985 г. // АКА УрГУ. – Ф. II. Д. 422; Он же. Работы на трассе газопровода в районе д. Низямы и Хуллор, п. Комсомольский в Тюменской обл. в 1987 г. // Архив ИА РАН. – Р–1. № 12300; АКА УрГУ. – Ф. II. Д. 443.

¹⁷ Очерки истории Коды / В. М. Морозов, С. Г. Пархимович, А. Т. Шашков – Екатеринбург, 1995. – С. 10–52; Стефанова Н. К., Борзунов В. А. Археология таежного Обь-Иртышья (Хроника полевых исследований на территории Ханты-Мансийского автономного округа). – Екатеринбург, 2002. – С. 40–48.

¹⁸ Ковригин А. А., Шаранова С. В. Проблемы изучения древностей кашинского и прыговского типов // Урал в прошлом и настоящем: Мат-лы науч. конф. – Екатеринбург, 1998. – Ч. 1. – С. 67–73.

⁹ Морозов В. М., Чемякин Ю. П. Культуры Нижнего Приобья... – С. 101.

¹⁰ Викторова В. Д. Археологическая карта р. Туры и Тавды (опыт систематизации и периодизации археологических памятников): Дис. ... канд. ист. наук. – Свердловск, 1967. Т. 1, 2 (АКА УрГУ. – Ф. III. Д. 127); Она же. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск, 1970. – С. 254–270. Табл. II – 1–4; Она же. Синдея, городище; синдейская культура // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд. – Екатеринбург, 2000. – С. 489.

¹¹ Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. – Екатеринбург, 2001. – С. 54–55; рис. 25 – 3–10.

¹² Чемякин Ю. П. К вопросу о белоярско-васюганском этапе в раннем железном веке таежного Обь-Иртышья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докл. XII Урал. археол. совещ. – Екатеринбург, 1993; Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: (Материалы к атласу). 2-е изд. – Екатеринбург, 2002. – С. 34, 35.